

Эпоха Возрождения и её выдающиеся мыслители

Вишев Игорь Владимирович, доктор философских наук, профессор,
старший научный сотрудник кафедры философии
Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет),
Российская Федерация, г. Челябинск

Аннотация. В статье рассматриваются особенности Эпохи Возрождения как исторического явления (её обусловленность машинным производством, формирование буржуазии, возрождение античной культуры, становление науки, прежде всего механики и др.) и воззрений её выдающихся мыслителей (гуманизм, пантеизм, индивидуализм, отношение к проблеме смерти и бессмертия человека, натурфилософские представления и т.п.) на примере Петрарки, Помпонаци, Николая Кузанца, Валлы, Эразма Роттердамского, Сервета, Ванини и др.; проанализировано взаимоотношение таких явлений, как католицизм, Реформация, протестантизм, православие, роль инквизиции в истории и культуре.

Ключевые слова: Возрождение, машинное производство, третье сословие, буржуазия, переосмысление античной культуры, зарождение натурфилософии, Реформация, протестантизм.

В истории человеческого общества, прежде всего европейского, особое значение приобрёл своего рода переходный период от Средневековья к Новому времени, который получил название Эпохи Возрождения, или Ренессанса (XIV–XVI вв.). Она зачиналась в таких наиболее развитых городах Италии, как Венеция, Генуя, Флоренция, а затем распространилась и на Северную Европу. Этот период породил блестящую плеяду выдающихся мыслителей и деятелей культуры от знаменитого поэта Франческо Петрарки (1304–1374), одного из основоположников Эпохи Возрождения, до Джордано Бруно (1548–1600), символично её завершившего в пламени костра инквизиции на Площади Цветов в Риме семнадцатого февраля последнего года XVI столетия.

Естественно, ключевой и для их мировоззрения стала проблема смерти и бессмертия человека. Но в новых условиях подход к ней и решение приобрело определённую специфику. Она была прежде всего обусловлена тем, что возрожденческое мировоззрение шло на смену средневековому, в котором безраздельно господствовала вера в бессмертие души и её посмертное существование. Она, безусловно, насаждалась и поддерживалась церковью, а любые отклонения от неё сурово преследовались.

Нельзя не принимать во внимание также и то обстоятельство, что такое положение вещей существовало на протяжении многих столетий и приобрело силу традиции, которая, как известно, со временем становится особенно значительной и влиятельной. Не даром говорят, что традиции мёртвых поколений как кошмар тяготеют над умами живых. Данное утверждение звучит справедливо, пожалуй, по отношению именно к религиозным догматам, поскольку церковь апеллирует к авторитету творца и промыслителя мира, карающего за их нарушения вечными адскими мучениями.

Поэтому к проблеме смерти и бессмертия человека сложилось два главных подхода: во-первых, радикальный, когда вера в бессмертие души и посмертное существование отвергалась категорически, однозначно, хотя и в подобных случаях иногда могли звучать те или иные оговорки и допущения; во-вторых, в контексте возрожденческого мировоззрения такая вера могла ещё признаваться и разделяться, а

отказ от неё мог произойти немало времени спустя – вследствие и силы традиции, и страха перед наказанием, а, возможно, и отсутствием до поры нужных доводов.

Что касается общих предпосылок самой Эпохи Возрождения, то среди них в первую очередь необходимо назвать развитие машинного производства и новых форм хозяйствования. Они шли на смену феодальному устройству общества, в котором господствовали два сословия – дворянство и духовенство, а экономика основывалась на натуральном хозяйстве и крепостническом труде.

Но в ней вызревали новые тенденции, делались изобретения, которые вели к росту производительности труда. Так, совершенствовались водные и ветряные двигатели, была изобретена самопрялка, педальный ткацкий станок, что непосредственно способствовало развитию ткачества, а оно развитию торговли, развивалось красильное производство, химия, судостроение, мельничное и часовое дело, металлургия, особенно в виде доменного производства, развивалась оптика, прежде всего производство линз для очков и других приборов, было изобретено огнестрельное оружие, что предъявило новые требования к оборонительным средствам, особенно значимым достижением явилось книгопечатание. Именно в это время совершались Великие географические открытия, самым значимым из которых стало открытие Христофором Колумбом Америки.

Одним из важнейших следствий этих процессов явилось формирование третьего или податного сословия. Это были прежде всего разного рода ремесленники, которые со временем стали объединяться в цеха, мастерские, возникали мануфактуры с высокопроизводительным разделением труда, фабрики и заводы. В итоге сформировался новый класс – буржуазия, который стал развёртывать борьбу с господствующими сословиями за своё «место под солнцем».

Буржуазия не могла преобразовать феодальную культуру, как классово чуждую, в свою собственную, и потому обратила своё внимание к культуре античной, найдя в ней немало для себя созвучного, вроде интереса к телесной красоте человека и другим че-

ловеческим качествам, столь чуждых средневековому аскетизму. К тому же в процессе становления христианской теологии заимствованные учения античных мыслителей (Платон, Аристотель и др.) были значительно искажены и актуальной задачей стало очистить их от этих искажений, представить в подлинном, так сказать, «чистом» виде. И в этой связи выяснилась роль ещё одного фактора становления новой культуры.

Дело в том, что к этому времени Османская империя разрушила Византию (1453) и многие беженцы из неё со своими библиотеками и произведениями искусства устремились в Западную Европу. Между тем, в Византийской империи всегда жил значительный интерес к древнегреческой культуре, чуждой средневековому Западу, и вот теперь она, так сказать, как своего рода мина замедленного действия стала содействовать подрыву европейских устоев изнутри. Однако, новая культура не просто её восприняла, не механически, а придала ей осовремененный смысл и значение, в частности и прежде всего, – гуманистический (лат. *hominum* – человек, человеческий). Девизом этого времени стало изречение: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Иными словами, произошло именно возрождение античной культуры, а не чего-то иного, потому эта эпоха и получила именно такое своё название.

Необходимо отметить, что особым камнем преткновения в этот исторический период была проблема власти и привилегий господствующих сословий, обосновываемых и оправдываемых их происхождением, их родословной. Против этого были направлены особенно острые стрелы критики. Так, уже упоминавшийся Франческо Петрарка утверждал: «Кровь всегда одного цвета. Но если одна светлее другой, это создаёт не благородство, а телесное здоровье. Истинно благородный человек не рождается с великой душой, но сам себя делает таковым великолепными своими делами» [9]. Иными словами, благородство даётся не рождением, а личными заслугами.

Вообще, надо подчеркнуть, что значительную роль в развитии культуры Эпохи Возрождения играла литература, искусство в целом. Примером может служить знаменитый «Декамерон» Джованни Боккаччо (1313-1375). Основная критика направлялась против средневековой мистики, но особенно аскетизма. В этом смысле данное сочинение является утверждением возрожденческого гуманизма. Христианство у него предстаёт не как нечто исключительное, а как религия наряду со многими другими.

Среди выдающихся мыслителей той эпохи значительное место занял Николай Кузанский (1401-1464). Он родился в Германии на берегу Мозеля в деревне Куза – и получил прозвание, как тогда было принято, по месту своего рождения – Кузанский, или Кузанец. По происхождению был сыном рыбака, однако для своего времени получил хорошее образование в Падуанском университете, изучал юриспруденцию, математику и астрономию, греческий язык, позже арабский и еврейский. Он сделал блестящую карьеру, став кардиналом, вместе с тем не прерывал связь с кружком гуманистов, защищал религиозную терпимость, обличал пороки духовенства.

Его философию можно охарактеризовать как открытую и не вполне последовательную форму пантеизма. Но в целом взгляды Кузанца носили двойственный и противоречивый характер. Его воззрения испытали влияние неоплатонической мистики, кабалы и античного атомизма. В противостоянии реализма и номинализма он занимал позиции последнего, отрицая существование универсалий вне вещей и утверждая действительное бытие единичного индивидуального. Как теолог, он рассуждал о природе ангелов и богочеловеке, в то же время плодотворно работал как раз в области математики и естествознания.

Определённый интерес представляют собой рассуждения Николая Кузанского о диалектике максимума и минимума, в которых он толкует библейское утверждение «Да будет бог всё во всём» (1 Кор. 15:28), то есть он существует во всех вещах, а они – в нём. У Кузанца же это звучит по-особому. Примером может служить следующее его определение: «Максимумом я называю то, больше чего ничего не может быть. Но такое преизобилие свойственно единому. Поэтому максимальность совпадает с единством, которое есть и бытие» [10, с. 51]. По Кузанскому, абсолютным бытием не может быть ничто иное кроме абсолютного максимума. Так что таким абсолютным максимумом единым и единственным, бесконечным и всеохватывающим является всё тот же бог.

Продолжая свои рассуждения, он утверждал: «Абсолютный максимум есть то единое, которое есть все; в нем все, поскольку он максимум; а поскольку ему ничто не противоположно, с ним совпадает и минимум» [10, с. 51]. В духе пантеизма Кузанский считал также, что вселенная – это чувственно-изменяемый бог. То, что в природе, по его мнению, относительно и не развёрнуто, то в боге абсолютно и завершено. Её познание, а значит и бога, проходит, согласно Кузанскому, четыре ступени: 1) чувственное восприятие; 2) рассудок, разделяющий противоположности; 3) разум, их сопоставляющий; 4) интуиция, непосредственно созерцающая совпадения противоположностей в бесконечном единстве максимума.

Всё это у него сочетается с теологическими конструкциями, нередко мистической трактовкой интуиции, точно также, как последняя сплетается с рядом диалектических положений. Так, по Кузанцу, окружность с бесконечным радиусом превращается в прямую, бесконечно большой треугольник стремится превратиться в линию. Для него математические знаки – это лишь видимые символы невидимого мира, образцы вещей, что нередко приводило к мистике чисел.

Что же касается его космологии, он считал, что Земля не является неподвижным центром ограниченного мира; она вращается вокруг своей оси, делая полный оборот в течение суток, но люди этого не замечают, поскольку на ней нет такой точки для сравнения; любая часть неба находится в движении; никакого центра мира не существует; вселенная бесконечна. Однако, эти представления нашли своё более чёткое выражение много позже. Особенно ценными были призывы Кузанского к развитию опытного знания и утверждение значения экспериментальной науки и техники. И всё это сопровождалось увлечением магией, природа представлялась таинственной

книгой на зашифрованном языке, ключ к которой заключался в цифровой символике.

В качестве примера положительного вклада Кузанского в развитие культуры и его многоплановой деятельности можно привести создание им первой карты Центральной и Восточной Европы. В целом можно заключить, что Николай Кузанский объективно сыграл роль предшественника плеяды итальянских натурфилософов, а в более далёкой перспективе и следующей исторической эпохи – Нового времени.

Но тогда существовали и другие переходные формы, в том числе и в области духовной жизни. Среди них как раз был уже упомянутый пантеизм, в контексте которого происходила кардинальная ревизия прежних верований о боге в период Средневековья как личностного творца и промыслителя мира. Пантеисты, отрицая личностные свойства бога, отождествляли его с природой, материей, мировой силой, способной придавать движение. Такое растворение бога в мире создавало возможность неконтурируемой игры фантазии на эту тему.

Примером могут служить воззрения Лоренцо Валлы (1407-1457). Он занял особое место в гуманистической итальянской историографии; был гуманистом, философом, филологом, историком, родоначальником историко-филологической критики. Валла был врагом косных традиций, выступал против схоластов, критически относился к творениям Древнего мира, включая библейские мифы, утверждал, что апостолы не были авторами символа веры, отрицал божественную природу Христа.

Но особую озлобленность церкви вызывало разоблачение Валлой подложности «Дара Константина», которым римская курия (совокупность центральных учреждений папской власти) обосновывала свои притязания на светскую власть.

Как пантеист, он считал, что природа и бог – одно и то же. А как гуманист он из этого делал вывод, что обожествлённая природа благосклонна к человеку, поэтому от неё не может исходить зло. Валла исходил также из того, что наиболее естественным чувством человека является самосохранение, а более всего сохраняет ему жизнь стремление к удовольствию, само удовольствие как требование природы, поэтому безнравственных наслаждений не существует. Образцом отношения к наслаждениям была для него точка зрения язычника Эпикура, который, напомним, утверждал: «Нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно» [12, с. 212]. Валла утверждал: «Итак, наслаждение есть благо, которое ищут повсюду [и] которое заключается в удовольствии души и тела, почти так определял [его] Эпикур; греки называют его [наслаждение] «гедонэ» [1, с. 94] (отсюда гедонизм – аксиологическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и смыслом жизни). Следовательно, добродетельно то, что ведёт к наслаждению.

Что касается темы смерти и бессмертия человека, то, ссылаясь на другие авторитеты античной философии Лоренцо Валла считал: «Плутарх говорит, что Аристотель и Дикеарх не считали душу бессмертной,

но лишь причастной известного рода божественности» [2, с. 320]. И ещё в ходе полемики с Лактанцием: «Ты хочешь, чтобы высшее благо было скорее бессмертием, как если бессмертие следовало избирать разве потому только, что оно заключает блаженство (т.е. лишено наслаждения, которое проистекает от демонов или из элементов), и принимать так в качестве блага? Что ты признаешь ясно и открыто, когда ты опровергаешь тех (среди которых есть и Цицерон), которые утверждали, что душа не продолжает жить после смерти или что она блаженна потому, что должна быть бессмертной» [2, с. 344]. Можно заключить, что Валла солидаризируется с теми, кто отрицает бессмертие души.

Учеником Лоренцо Валлы был Дезидерий Эразм Роттердамский (1466-1536). С.В. Перевезенцев уточняет: «Настоящее его имя – Герхард Герхардс» [11]. И продолжает: «Родился он в нидерландском городе Роттердаме и был незаконнорожденным сыном священника и его служанки. Еще в молодости он принялся серьезно изучать теологию, философию, литературу, историю. В 1492 году он был возведен в сан священника, обязанности которого исполнял в течение восьми лет». Однако, его судьба оказалась иной. Тот же автор напоминает: «Эразм Роттердамский еще при жизни был назван «королем гуманистов», став как бы общеевропейским лидером гуманистического движения» [11].

Он жил в разных странах Европы и был, в отличие от итальянского Возрождения, ярким представителем особенности именно северного гуманизма, которая прежде всего проявилась в его тесном переплетении с судьбами Реформации. Он положил начало мирскому критическому исследованию текста священных писаний, способствовал возвращению в культурный обиход литературного наследия античности, писал преимущественно на латыни. Стал известен и тем, что умел приспосабливаться к обстоятельствам, идти на компромиссы.

Примечательно, что Эразм Роттердамский отрицал своё участие в «бунте» против римской курии, он так и не решился встать на сторону Лютера и в конце жизни остро полемизировал с ним по поводу учения о свободе воли (которое многие протестанты, в том числе Лютер, ставили под сомнение). Эразм разделял и демонстрировал рационалистически-критическую тенденцию в духовном творчестве, которая была, несомненно, прогрессивной. Преклоняясь перед античностью, он жёстко нападал на пороки феодального общества, на его мораль, на засилье схоластики, утверждал самостоятельность человека и науки в противовес диктату церкви и её догматов, его недаром считали «светочем знаний».

Эразм Роттердамский, вместе с тем, по существу, наивно считал, что путём распространения образования и при помощи просвещения монархов можно мирно и безболезненно искоренить все недостатки общества. Но как бы там ни было, именно своими свобододобивыми взглядами этот знаменитый мыслитель Эпохи Возрождения снискал всеевропейскую славу и уважение виднейших представителей европейской культуры.

Эразм Роттердамский, например, был другом Томаса Мора (1478-1535), знаменитого английского гуманиста и утописта. Как раз ему было посвящено самое знаменитое сочинение Эразма «Похвальное слово Глупости» (или «Похвала Глупости») (1509), которое было написано в популярном тогда сатирическом жанре и только при жизни автора претерпело 40 изданий. Любопытно, что оно было, по словам самого сатирика, написано от вынужденного безделья во время продолжительного при тогдашних способах передвижения переезда его из Италии в Англию. Так, казалось бы, «время безделья» обернулось самым плодотворным.

Небезынтересным является обращение Эразма к Мору по своеобразному стилю своего времени: «В недавние дни, возвращаясь из Италии в Англию и не желая, чтобы время, проводимое на лошади, растрачено в пустых разговорах, чуждых музам и литературе, – писал заскучавший путешественник, – я либо размышлял о совместных ученых занятиях, либо наслаждался мысленно, вспоминая о покинутых друзьях, столь же ученых, сколь любезных моему сердцу. Между ними и ты, милый Мор, являлся мне в числе первых: вдали от тебя я не менее наслаждался воспоминаниями, нежели, бывало, вблизи – общением с тобою, которое, клянусь, слаще всего, что мне случилось отведать в жизни. И вот я решил заняться каким-нибудь делом, а поскольку обстоятельства не благоприятствовали предметам важным, то и задумал я сложить похвальное слово Глупости» [16, с. 5]. Итог оказался выдающимся.

Что касается взглядов Эразма в целом, то они были разработаны им очень рано под названием «Руководство христианского воина», которое стало для него ориентиром на всю последующую жизнь. Особенность этого руководства состояла в том, что традиционная метафора христианского воина была наполнена сугубо моральным содержанием. Например, вера христианина (скажем, в индивидуальное бессмертие души), согласно убеждениям Эразма, превышает возможности разума, но эта вера должна вести его к непрерывной борьбе с телесными соблазнами. Она должна также сочетаться с твердыми житейскими правилами, непрерывной борьбой за их осуществление.

Происходило становление новой духовной жизни, в которой всё большую роль играли научные исследования, укреплялся авторитет учёных. Происходило прямое столкновение схоластики и набирающей силу науки. Оно явилось ещё одним закономерным порождением развития машинного производства, которое могло происходить только на рациональной основе, обретении знаний закономерностей природы, прежде всего, именно механики. Изобретение механизмов и машин, естественно, в принципе не могло происходить вследствие теологических предписаний тех или иных догматов. Поэтому объективно возрастала потребность в новых знаниях и усилиях в их производстве, происходили перспективные прорывы в этом направлении.

Главным событием этого времени – середины XVI века стало открытие Николая Коперника (1473-1543) – переход от птолемеевской геоцентрической картины мира, игравшей роль своеобразного религиозного

догмата, к гелиоцентрической, которое по праву было названо коперниканской революцией. Она имела кардинальное мировоззренческое значение. Недаром Коперник рискнул опубликовать свой главный труд «Об обращениях небесных тел» под самый конец жизни, успев подержать его в своих руках за несколько часов до своей кончины. И это было вполне оправдано, потому что в сравнительно близком времени гелиоцентрическая система была осуждена и отвергнута как католицизмом, так и лютеранством, впрочем, и другими религиозными направлениями тоже.

Но наука набирала силу и влияние. Сложившаяся ситуация потребовала новых организационных форм для научного поиска – стали создаваться разного рода новые лаборатории, академии и т.п. Примером может служить Платоновская академия в Кареджи. В её рамках развивался флорентийский неоплатонизм. Она представляла собой объединение итальянских литераторов и философов гуманистического направления. Их отличала атмосфера свободного научного поиска, дружеское обсуждение вопросов, которые вызывали общий интерес, стремление к синтезу областей знания и даже культур.

Её главой был Марсилио Фичино (1433-1499), известный гуманист этой эпохи. Он стал популярен особенно благодаря первому полному переводу на латинский язык сочинений Платона, на протяжении нескольких столетий считавшегося лучшим. Особый интерес для темы настоящей статьи имеет сочинение Фичино «Платоновская теология о бессмертии души». Он разделял мнение, что «платоники, помня в своем учении лишь немного, могли бы стать христианами» [15, с. 22]. Нельзя не отметить, что речь идёт о воззрениях Платона – опять-таки языческого, дохристианского философа, которые, тем не менее, были призваны обосновать христианскую догматику, прежде всего веру в бессмертие души. В этом смысле он уступал многим своим современникам.

Бывало и так, что «академики» представляли собой выходцев из «низов» общества, так, членами Флорентийской академии (1541) были сапожник Джелли, аптекарь Граццини и др. Основная задача состояла в популяризации научных знаний на родном языке, сначала гуманитарных, а затем и естественнонаучных.

Однако, положение вещей того времени было бы неправильно представлять себе так, будто каждый из них излагал последовательно научные истины. Их критика была направлена прежде всего против традиционной религии и церкви, на Западе – католицизма или папской курии. Сами же они нередко представляли собой причудливую смесь крайне противоречивых утверждений. Главное их достоинство – именно критичность. Критика помогала им постепенно освобождаться от всего наносного и преходящего, сохранять и преумножать бесценные крупинки научного знания.

Вообще в Эпоху Возрождения распространённым было мнение, что религия нужна лишь для простого народа. Так, Пьетро Помпонацци (1462-1525) считал, что «вера в загробный мир необходима правителям в качестве средства более сильного, чем награды и наказания. Философы не нуждаются в подобных

сказках. Но таких людей мало, и они — единственные боги на земле» [4, с. 138-139]. Церковь же нередко рассматривалась тогда как инструмент, придуманный законодателями, чтобы удерживать народ в узде.

Тот же Помпонацци отверг догмат о бессмертии души. В чудесах он видел плод обмана со стороны духовенства и болезненного воображения со стороны простых людей. Он противопоставляет чуду — тайну, сверхъестественному — непознанное, молитвы и призывы к святым — лишёнными всякого значения. По его мнению, добродетель независима от веры в бессмертие, она чище и достойнее, поскольку не заботится о наградах и наказаниях. Помпонацци придавал большое значение связи мышления с чувственным восприятием природных явлений. Естественно, за свои еретические убеждения этот известный мыслитель Эпохи Возрождения подвергался преследованиям и даже был вынужден отречься от своих взглядов.

Исключительно острой в то время, впрочем, и позже тоже, была так называемая проблема двойственной истины, из которой исходил далеко не только Помпонацци. В этой связи нельзя не упомянуть о влиянии аверроизма на взгляды мыслителей Эпохи Возрождения. Имеется ввиду учение арабского философа и учёного Ибн Рушда (1126-1198), в Европе известного под латинизированным именем Аверроэс (лат. Averroes), жившего в Кордове (Испания).

Он доказывал вечность, несотворённость материи и движения (их совечность богу), отрицал бессмертие индивидуальной души, загробной жизни, но признавал бессмертным некий единый и безличностный человеческий дух. Однако главным стало его учение как раз о двойственной истине. Под ней понималось существование философского и религиозного знания как двух непересекающихся аспектов истины или же двух самостоятельных истин. Смысл заключался в том, что каждый должен заниматься своим делом и не вмешиваться в занятия друг друга, главное естественно в том, чтобы церковь, которая всё держала под своим жёстким контролем, не вмешивалась в научные исследования.

Для своего времени цель такого учения была последовательно прогрессивной, и потому она, что неудивительно, вызвала со стороны церкви жёстко отрицательную реакцию, поскольку именно она стремилась держать деятельность учёных под своим контролем и влиянием. Так, Латеранский собор 1512 года осудил аверроизм и александризм, а также учение о двойственной истине. Соборные отцы утверждали, что ложно всё противоречащее откровению.

Что касается второго упомянутого еретического направления, александризма, тоже получившего определённое распространение и влияние в Эпоху Возрождения, то оно представляет собой ещё более древнее учение Александра Афродисийского (III век). Суть его состояла в признании полного уничтожения души после смерти и существования двойственной истины. Примечательно, что много времени спустя, когда наука обрела значительную силу и стала подвергать религиозные догматы опасной критике, церковь сама взяла на вооружение это средневековое

учение о двойственной истине, но теперь уже в противоположном смысле, чтобы отвести от себя научную критику. Так меняются времена, меняются они и сегодня, правда, похоже, не в лучшую сторону.

Но во времена Латеранского собора церкви вскоре стало не до проблемы двойственной истины: возникла несравненно более грозная и серьёзная опасность. Дело в том, что в это время в христианстве, наряду с католицизмом и православием, появилось третье направление — протестантизм. Ему положила начало так называемая Реформация. Это было широкое религиозное и общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе XVI — начала XVII века. Его ближайшей целью стало реформирование католицизма и католической церкви. Начало этого движения датируется совершенно определённо. 31 октября 1517 года доктор богословия Мартин Лютер, ведущий переводчик Библии на немецкий язык, направил свои знаменитые «95 тезисов» архиепископу Майнцскому, которые Лютер, согласно легенде, будто бы прибил к дверям виттенбергской Замковой церкви. Впрочем, уже в XX веке эта легенда была опровергнута, что, однако, сути дела не меняло.

М.М. Смирин так резюмировал их содержание: «В них доктор богословия выступал против продажи индульгенций и власти Папы над отпущением грехов. В проповедуемом им учении он провозглашал, что церковь и духовенство не являются посредником между человеком и Богом. Он объявил ложными претензии папской церкви на то, что она может давать людям посредством таинств «отпущение грехов» и «спасение души» в силу особых полномочий от Бога, которыми она якобы наделена. Основное положение, выдвинутое Лютером, гласило, что человек достигает «спасения души» (или «оправдания») не через церковь и её обряды, а при помощи веры, даруемой ему непосредственно Богом» [13].

Что касается названия третьего направления в христианстве, то оно, как сказано в «Энциклопедии истории Украины», по её словам, «берёт своё происхождение от шпайерского протеста немецких князей в защиту Лютера [17]. Дело в том, что Вормсский эдикт (1521) объявил Мартина Лютера, под давлением папского нунция, преступным еретиком. Именно в ответ на это Первый Шпайерский рейхстаг (1526) постановил, по требованию князей-лютеран, приостановить действие Вормсского эдикта до следующего рейхстага.

Но три года спустя Шпайерский рейхстаг решил возобновить действие Вормсского эдикта. И вот как раз в ответ на это решение пять князей и представители четырнадцати свободных городов Священной Римской империи, присутствовавшие на рейхстаге, составили и провозгласили так называемую Шпайерскую протестацию. Именно по названию данного документа, как было особо подчёркнуто, «сторонники Реформации и были названы протестантами, а совокупность возникших в результате Реформации некаатолических конфессий получила название «протестантизм» [17].

Таким образом, если поначалу протестантами были только лютеране, то со временем это направле-

ние стало насчитывать десятки и даже сотни различных вероисповеданий. Каждое из них по-своему отличается и от католиков, и от православных, но среди главных особенностей стоит отметить такие на примере баптизма, поскольку он имеет наибольшую распространённость и известность.

Баптисты, и не только они, не признают крещения в младенчестве, а не раньше, чем с 18-ти лет, когда человек уже вполне взрослый и может принимать осознанное решение по такому значимому вопросу. Столь же своеобразно они толкуют и другие так называемые таинства, а ряд из них не признают вообще. Баптисты отрицают монашество, иконопочитание, то есть у них нет чудотворных икон, вроде Казанской Божией Матери, и вообще никаких других.

Эта позиция является отголоском движения иконоборчества, которое получило широкое распространение в Византии в VIII и начале следующего века между иконодулами (почитателями икон) и теми, кто их отрицал. Эти столкновения нередко приводили к кровопролитию, особенно при императоре Константине V. Гонения прежде всего обрушились как раз на византийское монашество. Так, в Хронографии Феофана (763) повествуется, что этот яркий иконоборец «...многих монахов умертвил ударами бичей, и даже мечем, и бесчисленное множество ослепил; у некоторых обмазывали бороду спуском воска и масла, подпускал огонь и таким образом обжигал лица их и головы; иных после многих мучений отсылал в изгнание». Многие из этих жертв впоследствии были причислены к лику святых.

Показательно также и то, что баптисты отрицают и молитвы за умерших на том основании, что в Библии о необходимости таких молитв нигде и ничего не сказано. Однако в том же православии такая практика занимает очень большое место, так как приносит, естественно, значительные доходы. Умолчание «священного писания» на эту тему вынудило православных теологов обратиться к доводам иного рода. Они ссылаются, например, на чудесный случай из жизни преподобного Макария Египетского (IV в.), когда он шёл по пустыне и, увидев сухой череп, ткнул его пальмовой палкой; неожиданно сухой череп заговорил, и тогда Макарий его спросил: «Чувствуете ли вы что-нибудь, когда мы произносим за вас молитвы?» И этот сухой череп ему ответил: «Когда вы за нас молитесь, мы чувствуем некоторую отраду». На подобном рода доказательствах и оправдывается православными практика молитв за умерших.

Нельзя не привести и ещё один пример расхождения в верованиях. В этой связи вспоминается повествование преподобной Феодоры о своей кончине.

«Но вот пришла смерть, – рассказывает Феодора. – Она была как бы подобие человеческое, но состоящее из костей. Она носила различные орудия мучений: мечи, стрелы, копья, косы, серпы, пилы, топоры и многие другие мне неизвестные. Увидела всё это я – и душа моя затрепетала. Но ангел сказал ей: – Не медли! Освободи душу от уз плоти. Скоро и тихо освободи ее, на ней нет больше тяжести грехов. Смерть подошла ко мне и маленьким топором сначала отсекала ноги, потом руки, потом другими орудиями ослабила все члены мои, отделяя их от суста-

вов. Потом отсекала мне голову. Потом смерть сделала питье и насильно напоила меня. Я не могла вынести горечи, содрогнулась и выскочила душа из тела» [8, с. 26-27].

Дальше речь шла о том, что к ней бросились черти, чтобы овладеть ею, но ангелы оказались проворнее, успели подхватить её и унести в райские кущи. Так что верующему приходится страшиться не только наиболее реальной возможности попасть после своей смерти в ад, но и процесса самой смерти. И на такого рода повествования служители культа и теологи, разного рода святые весьма щедры.

Можно также отметить, что у баптистов нет такого хорового пения на богослужениях, но оно практикуется у тех же православных. Вместо этого у баптистов может играть оркестр народных инструментов, под аккомпанемент которого исполняются песни, хотя и религиозного содержания, но вполне светского звучания. Разумеется, можно было бы без труда перечислять различия между протестантами и теми же православными или католиками, но и приведённые примеры убедительно показывают, что в их верованиях существуют различия, принципиально непримиримые и несовместимые, которые наглядно свидетельствуют, что ни о каком истинно христианском учении нет и не может быть речи.

Говоря о выдающихся мыслителях Эпохи Возрождения, обязательно надо упомянуть о таком их представителе, как Джованни Пико делла Мирандола (1463-1494), прожившем короткую, но яркую и содержательную жизнь, оставившем памятный след в истории человеческой культуры. Он был представителем известной княжеской фамилии. Пико делла Мирандола тратил все свои средства и колоссальную энергию на овладение знаниями. Кроме большинства европейских языков изучил греческий, древнееврейский, халдейский, арабский. Инквизиторы, преследовавшие его, утверждали, что столь великий объем знаний и их глубина в таком раннем возрасте не может появиться иначе как с помощью договора с дьяволом. Перефразируя известное название пьесы А.С. Грибоедова, можно сказать: «Горе от знаний», но в этом виноват был конечно не сам Мирандола.

В 23 года он сформулировал «900 тезисов по диалектике, морали, физике, математике для публичного обсуждения». Однако, осуществиться этим грандиозным планам не было дано, поскольку жизнь его оборвалась слишком рано из-за отравления мышьяком. Это было установлено при эксгумации, осуществлённой в 2007 году. Считается, что он был отравлен.

Этот мыслитель Эпохи Возрождения стремился соединить в одном учении христианство, греческую философию, произведения тайной герметической мудрости и иудаизма, неоплатонизма, магии, численной символики каббалы, но резко выступал против астрологии. В этом смешении были свои руководящие принципы: познание природы и утверждение свободной человеческой личности. В конечном счёте все нити сводились к натурфилософии и гуманистическому индивидуализму, который был направлен против светской и церковной иерархии, прежде всего против родового аристократизма и скованно-

сти феодального строя. Надо ещё раз особо подчеркнуть, что в данном случае речь идёт об индивидуализме именно в возрожденческом смысле как особенности этой эпохи, как приоритете личности, а не об индивидуализме более позднего времени: *Homo homini lupus est* (человек человеку волк).

Разумеется, чтобы по-настоящему разобраться и понять мысли и переживания наших предков, живших сотни лет тому назад, надо было бы быть, по меньшей мере, их современником, чтобы читать то, что они читали, воспринимать мир так, как они его воспринимали, участвовать в их дискуссиях. Но это, естественно, невозможно. Поэтому наш ретроспективный взгляд оказывается весьма проблематичным и приблизительным, в определённой мере, ненадёжным. Остаётся ориентироваться главным образом на то, что не вызывает особых сомнений и звучит достаточно современно для нас самих, тем более, если звучит поучительно.

В этом смысле привлекают к себе особое внимание такие суждения Пико делла Мирандолы в его знаменитом сочинении «Речь о достоинстве человека». «Я не постыжусь похвалить себя за то, – говорит он, – что никогда не занимался философией иначе, как из любви к философии, и ни в исследованиях, ни в размышлениях своих никогда не рассчитывал ни на какое вознаграждение или оплату, кроме как на формирование моей души и на понимание истины, к которой я страстно стремился». [7, с. 514] И в самом её заключении: «Именно философия научила меня зависеть скорее от собственного мнения, чем от чужих суждений, и всегда думать не о том, чтобы не услышать зла, но о том, чтобы не сказать или не сделать его самому» [7, с. 514].

Особое место среди мыслителей Эпохи Возрождения занимает Бернардино Телезио (1509–1588). Родился и умер в городе Козенца. Образование получил, как и многие другие видные деятели этого времени в Падуанском университете. Уже сами годы его жизни свидетельствуют о том, что деятельность Телезио протекала в последний век этой эпохи и почти вплотную предшествовала следующей – Новому времени. С одной стороны, он по праву считается основоположником итальянской натурфилософии, а с другой – неудивительно, что Телезио оказал значительное влияние на многих своих современников и последователей.

Среди них можно упомянуть таких деятелей, как Франческо Патрици (1529–1597), итальянского и хорватского философа; Томмазо Кампанеллу (1568–1639), одного из родоначальников утопического социализма, автора знаменитого сочинения «Город Солнца», проведшего почти 27 лет в застенках инквизиции и светских властей, подвергнувшегося жесточайшим пыткам; Фрэнсиса Бэкона (1561–1626), представителя уже следующей исторической эпохи, который считал Телезио первым мыслителем, проникнутым духом современности. Телезио основал в Неаполе свободное естественнонаучное общество, члены которого стремились к опытному изучению природы, превратившееся в знаменитую Телезианскую, или Козентийскую, академию.

Основным его сочинением было «О природе вещей согласно её собственным принципам». Он был

противником схоластического аристотелизма, выступал против натурфилософских взглядов этого античного философа, и вообще считал, что ссылки на авторитеты ничего не объясняют; вместе с тем он придал мощный импульс развитию эмпирических исследований по изучению природы, вёл борьбу за науку свободную от церковных ограничений.

Против него ополчились все реакционные силы. По распоряжению всё той же римской курии его академия в конце концов была закрыта, а сам Телезио был вынужден удалиться в родной город. В 1606 году его сочинения были включены в «Index Librorum Prohibitorum» (Индекс запрещённых книг), который справедливо называли своеобразным кладбищем культуры.

Телезио придерживался взглядов, которые впоследствии получили название деизма. Согласно им, бог когда-то сотворил мир, придал ему закономерности и, как сказано в Библии, «почил от дел своих» (Быт. 2:3). Так что после сотворения бог в дела мира вроде бы уже и не вмешивается, во всяком случае, есть все основания так толковать приведённый текст. Но отсюда следует также, что естествоиспытателю нет теперь никакого дела до акта творения: он должен брать природу такой, какова она есть, существующей по собственным непреложным и неизменным законам, которые и должны им изучаться. Таким образом, фактически бог устраняется из натурфилософии Телезио. Источником знания является только опыт.

Согласно Телезио, объективно существует вечная и неизменная материя, однородная и бескачественная, она, по Телезио, несотворима и неуничтожима, её количество в мире неизменно, величина мира и масса телесного вещества при всех условиях остаются теми же. Учение об абсолютной пустоте в природе им отвергалось. Телезио считал, что материя наполняет всё пространство, одно тело вплотную примыкает к другому и непосредственно воздействует на него; пространство абсолютно тождественно во всех своих частях и не знает никаких различий или перемен. Телезио выступал против «естественных мест», на которые в своё время ссылался Фома Аквинский, считая, что все места одинаковы.

Этот мыслитель выражался очень образно. Он говорил, что материя – «поле битвы» для двух активных противоположных постоянно борющихся друг с другом начал, или стихий, тепла и холода. Они вечны, бестелесны и одушевлены. Эти стихии «дерутся за материю», как «два жениха за женщину» [5, с. 265]. Для них характерно стремление к самосохранению, ради которого они и стремятся овладеть материей и способностью к ощущениям. Эти «первоначальные сущности» неразрывно связаны с материей, одна без другой не существуют и не представляют собой особых духовных субстанций. По Телезио, теплота воплощается в солнце, холод – в земле. Противоположные миры – подлунный, с центром к земле и небесный – с солнцем находятся в непрерывной борьбе.

«Принципом» человека как телесного существа, по Телезио, является «дух». Это особенно тонкое, тёплое, подвижное и чувствующее вещество. «Духовная материя» имеет своим местоположением мозг, откуда по нервам она распространяется по всему

телу. Дух – движущая координирующая сила, которая умирает вместе с человеком. Представления же о бессмертной душе также, как и о боге являются для Телезио объектом веры, но не знания. Религиозные мотивы для него играли лишь роль маскировки, своего рода ширмы, часто прикрывающей, по существу дела, его материалистические и даже атеистические высказывания.

Впрочем, вряд ли здесь стоит подробнее рассматривать его взгляды и суждения. Они тоже явно являются продуктом своей эпохи, в которых есть замечательные прозрения будущего, отголоски безвозвратно ушедшего прошлого и просто несостоятельные убеждения, но в целом сыгравшими явно положительную роль в развитии философского мировоззрения. Такая же оценка была бы справедливой и в отношении воззрений многих других мыслителей этой эпохи, на которые она была так богата.

Однако, об одних осталась лишь возможность упомянуть, другие, к сожалению, вообще остались за скобками, хотя о каждом можно было бы подготовить отдельный материал. И эта статья, как говорится, не резиновая, имеет свои пределы, с чем приходится считаться. Действительно, достаточно вспомнить Леонардо да Винчи (1452–1519) или того же Джордано Бруно, Теофраста Гогенгейма (Парацельса) (1493–1541), который впервые повёл студентов к постели больного и впервые подчеркнул неразрывную связь хирургии с терапией. Примечательно, что хирурги в то время значились в одном цехе с цирюльниками и банщиками.

Младшим современником Парацельса был Андреас Везалий (1514–1564). Он занимал должность лейб-медика, придворного врача испанских королей Карла V и Филиппа II. Испанская же инквизиция приговорила Везалия к смертной казни за вскрытие человека, находившегося в летаргическом сне, что тогда считалось убийством, однако вследствие заступничества Филиппа II этот приговор был заменён паломничеством в Иерусалим. Возвращаясь оттуда, во время кораблекрушения больной Везалий был выброшен на остров Занте (Греция), где и умер. Место захоронения осталось неизвестным.

Их современником был известный испанский врач Мигель Сервет (1511–1553). До недавнего времени считалось, что именно он открыл малый круг кровообращения. Однако в 1929 году в Дамаске была найдена рукопись арабского врача Ибн-ан-Нафиса с описанием лёгочного кровообращения, с которой, вполне вероятно, Сервет был знаком. Но это не умаляет заслуги Сервета в данном открытии и его пропаганде, предугадавшего физиологический смысл данного явления. Вместе с тем Сервет принадлежал к такому христианскому течению, как антитринитаризм, отрицавшему триединство бога, т.е. троицу, и иначе толковавшему некоторые другие христианские догматы. В своих убеждениях он столкнулся с Жаном Кальвином (1509–1564), не захотел от них отказаться и в конечном счёте был сожжён особо жестоким способом.

Кстати сказать, несколько позже Уильям Гарвей (1578–1657), английский медик, анатом, основатель современной физиологии и эмбриологии, описал

большой и малый круги кровообращения. Он был последователем ятрофизики – направления медицины, сводившего функционирование живого организма, как больного, так и здорового, к законам физики (в первую очередь к законам механики). Эта школа противостояла ятрохимии, которая все процессы человеческого организма, напротив, сводила к химическим процессам – и, соответственно, все болезни пыталась лечить с помощью химических препаратов.

В общем и целом, можно сказать, что поначалу, например для Парацельса и других естествоиспытателей было характерным резкое расхождение между фактическими достижениями и общеприимной концепцией; у следующих поколений мыслителей это противоречие несколько сглаживается, естественнонаучные факты всё более органично сплетаются с философским учением. С этого времени, строго говоря, и можно вести речь о натурфилософии вплоть до XVIII столетия, под которой понималась философия природы как целостная система самых общих законов естествознания.

Но по мере развития научного познания, укрепления позиций науки, роста её влияния на духовную жизнь общества, ожесточалось противодействие средневековой схоластики и такой её наиболее агрессивной формы как инквизиция, которая использовала жесточайшие пытки и даже казни. Эти события приняли массовый характер. Свидетельством тому может служить печальной памяти «Молот ведьм» (1486) – трактат по демонологии и о надлежащих методах преследования ведьм.

Вот образчик жестокой и совершенно безысходной логики преследователей из работы Н.В. Сперанского «Ведьмы и ведомство»: «Если обвиняемая вела дурной образ жизни, – говорится там, – то, разумеется, это доказательство её связи с дьяволом; если же она была благочестива и вела себя примерно, то ясно, что она притворялась, дабы своим благочестием отвлечь от себя подозрение в связи с дьяволом и в ночных путешествиях на шабаш... Если она обнаруживает страх, то ясно, что она виновна: совесть её выдаёт. Если же она, уверенная в своей невиновности, держит себя спокойно, то нет сомнений, что она виновна, ибо по мнению судей ведьмам свойственно лгать с наглым спокойствием. Если она защищается и оправдывается против взводимых на неё обвинений, это свидетельствует о её виновности» [14, с. 17].

И далее: «Если же в страхе и отчаянии от взводимых на неё поклёпов она падает духом и молчит, это уже прямое доказательство её преступности» [14, с. 17–18]. И наконец ещё: «Если несчастная женщина на пытке от нестерпимых мук дико вращает глазами, для судей это значит, что она ищет глазами своего дьявола; если же она с неподвижными глазами остаётся напряжённой, это значит, что она видит своего дьявола и смотрит на него. Если она находит в себе силу переносить ужасы пытки, это значит, что дьявол её поддерживает и что её необходимо терзать ещё сильнее. Если она не выдерживает и под пыткой испускает дух, это значит, что дьявол её умертвил, дабы она не сделала признаний и не открыла тайны» [14, с. 20].

Сложилась общая истерическая духовная атмосфера, которая оказалась крайне опасной для преследования учёных, того же Мигеля Сервета. Но, пожалуй, ещё более изощренно и мстительно проявила себя инквизиция в своём осуждении Джулио Чезаре Ванини, в монастыре Габриеле, псевдоним Лючилио (1585-1619). Это был итальянский философ-пантеист, обвинённый инквизицией в ереси и атеизме. Ванини находился под влиянием Пьетро Помпонацци, Джордано Бруно и других прогрессивных деятелей своего времени. Главным его сочинением стало «Амфитеатр вечного провидения» [3].

По Ванини, материя едина и вечна; небо однородно с землёй; силы бога тождественны имманентным законам природы; нет «конечных причин», а есть лишь причины «действующие»; учение о боге, стоящего над миром, выдумка. Ванини отрицал бессмертие души, творение мира из ничего, божественность Иисуса; психическую жизнь человека ставил в зависимость от климата, питания, наследственности и влияния звёзд. Он считал, что добродетели и пороки также коренятся в физических условиях жизни человека; им были высказаны мысли о сходстве человека и обезьяны [6, с. 9].

Надо учитывать ту особенность критики Ванини, что иногда, внешне опровергая атеистов, он представляет атеистическую аргументацию, звучащую более убедительно, чем доводы защитников религии.

Литература:

1. Валла Л. Об истинном и ложном благе // Лоренцо Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / – М.: Издательство «Наука», 1989. – С. 65-266.
2. Валла Л. Перекапывание [пересмотр] всей диалектики вместе с основаниями всеобщей философии // Лоренцо Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / – М.: Издательство «Наука», 1989. – С. 291-376.
3. Ванини Д.Ч. Амфитеатр вечного провидения. – М.: Эдитус, 2019. – 230 с.
4. Всемирная история. Том IV. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – 824 с.
5. Гриненко Г.В. История философии. – М.: Юрайт-Издат, 2004. – 688 с.
6. Губарева Л.И. Антропо- и социогенез: Учебное пособие. – Ставрополь: Издательство СГУ, 2010. – 62 с.
7. Денисов Л. Как проводит душа первые сорок дней по исходе из тела? – М.: Издательство А.Д. Ступина, 1900. – 103 с.
8. Мирандола Д.. Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-и тт. Т.1. – М., Академия Художеств СССР, 1962. – С. 506-514.
9. Литература Эпохи Возрождения. Лекция 1. <http://www.hi-edu.ru/e-books/LR/lit003.htm>
10. Николай Кузанский. Об учёном незнании // Сочинения в 2-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1979. – С. 48-184.
11. Перевезенцев С.В. Дезидерий Эразм Роттердамский. <https://www.portal-slovo.ru/history/35550.php>
12. Письма и фрагменты Эпикура // Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. – М., Госполитиздат, 1955. – 239 с.
13. Смирин М.М. Германия в XVI и в начале XVII в. // История средних веков в двух томах / Под ред. С. Д. Сказкина. – Т. 2. – М.: Высшая школа, 1977. – С. 48-90.
14. Сперанский Н.В. Ведьмы и ведомство. – М.: Типо-литография Т-ва Н.Н. Кушнерев и Ко, 1906. – 201 с.
15. Марсилио Ф. Платоновская теология о бессмертии души в XVIII книгах. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2020. – 831 с.
16. Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 136 с.
17. Яроцкий П.Л. Протестантизм // Энциклопедия истории Украины. http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?&I21DBN=EIU&P21DBN=EIU&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=eiu_all&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=TRN=&S21COLORTERMS=0&S21STR=Protestantyzm

Естественно, такой приём вносил некоторую неопределённость и неоднозначность, но именно это и требует специального анализа воззрений Ванини как его современниками, так и историками нашего времени, чтобы разобраться в его взглядах по существу. Однако всё это не отменяет страшной сути происшедшего. Лючилио Ванини был подвергнут в Тулузе ужасной казни: ему вырвали язык, затем повесили, сожгли и прах развеяли по ветру. Судя по всему, никак не могли остановиться...

Это поистине зверская казнь свершилась 9 февраля 1619 года, уже в XVII веке, когда начался следующий исторический период – Новое время, возникла новоевропейская наука, уже при жизни Рене Декарта (1596-1650), за семь лет до смерти Фрэнсиса Бэкона, казалось бы, какие-то несовместимые события, а между тем, инквизиция ещё продолжала существовать в ряде стран до двухсот лет (Португалия, Испания и др.). Возникает впечатление, что период её существования был крайне благоприятным и поощрительным для монашествующих садистов, лишённых, с одной стороны, права на естественную сексуальную жизнь, а с другой – вследствие их участия в судебных процессах с пытками, получавших возможность извращённого удовлетворения этой потребности. Как бы там ни было, исторически инквизиция была обречена, а эпоха Возрождения сыграла бесспорно прогрессивную роль